

«СЛОВАРЬ РУССКИХ НАРОДНЫХ ГОВОРОВ»: НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОЙ РАБОТЫ

В конце 50-х годов XX в. все отчетливее ощущалась необходимость создания такого труда, который обобщил бы все накопленные за многие десятилетия собирательской деятельности материалы по диалектной лексике и фразеологии. Русскими диалектологами и любителями народного слова были собраны богатейшие материалы, которые публиковались лишь частично, а в основной своей части остались в рукописном виде. Разбросанные по многочисленным источникам, они по существу не были доступны для исследователей. Так возникает идея создания «Словаря русских народных говоров» – второго (после «Опыта областного великорусского словаря» и «Дополнения» к нему) сводного словаря русской диалектной лексики¹.

Создание таких словарей сопряжено с обсуждением ряда сложных теоретических проблем. Первой из них является сама возможность объединения в одном лексикографическом издании материалов, характеризующих разные говоры, входящих в разные языковые (= диалектные) системы.

Замысел словаря и начало работы над ним сопровождались полемикой, связанной с обсуждением основных направлений развития русской диалектной лексикографии. Нерешенность многих вопросов теоретической лексикографии, слабая изученность проблемы взаимоотношений между общенародным языком и диалектами осложняли и обостряли полемику.

Споры сводились в основном к трем вопросам: 1) какая лексика должна войти в областной словарь, т.е. должен ли областной словарь включать в свой состав всю лексику, которой владеют носители местных говоров, в том числе и лексику литературного языка, или он

---

¹ С 1905 г. Ф. И. Покровский и Е. Н. Яценко подготавливали к изданию Второе дополнение к «Опыту областного великорусского словаря», которое, однако не было осуществлено. Работа над изданием рукописи начата в ИЛИ РАН.

должен быть строго дифференциальным, включая только диалектную лексику; 2) какие цели должен преследовать областной словарь — историко-диалектологические, т.е. быть пособием для изучения современного состояния и прошлого местных диалектов, или историко-лексикологические, т.е. быть пособием для изучения истории диалектных слов — с географической и, по возможности, хронологической их характеристикой; 3) как относиться к словарным материалам по местным говорам, накопленным в XIX — начале XX в. (можно ли их использовать при составлении областных словарей или следует отказаться от них).

Принципы описания слов в СРНГ изложены в «Проекте Словаря русских народных говоров» Ф. П. Филина [Филин 1961]. Позже, по мере освоения диалектного материала, разработки технологии его исследования и описания в словаре, инструкция для составителей была углублена и расширена (см. [Сороколетов, Кузнецова 1987]).

«Словарь русских народных говоров» представляет собой результат длительного труда профессиональных диалектологов, собирателей — любителей народного слова. В ходе работы над ним сменилось несколько поколений авторов-составителей и редакторов. Значительная часть материалов по лексике русских народных говоров хранится в основной картотеке Словарного отдела Института лингвистических исследований РАН. Согласно приблизительным подсчетам, в ней насчитывается около 3 миллионов карточек-цитат.

В настоящее время работа над словарем близится к завершению, и авторскому коллективу уже можно аналитически осмыслить как свершения, так и недостатки, которые отражены на его страницах.

К текущему моменту в русской диалектной лексикографии уже насчитывается не один десяток словарей, составленных за последние полвека. «Словарь русских народных говоров» является словарем сводным, и любой вышедший в свет новый диалектный словарь сразу же используется в качестве источника.

В состав «Словаря русских народных говоров» включаются только диалектные слова и значения. В нем находят место также диалектная фразеология, разнообразная терминологическая лексика, архаизмы и даже элементы арго, если они входят в диалектную лексическую систему, имеют в своем распространении локальные ограничения и не представлены в литературном языке. Дифференциальный принцип распространяется и на структуру слова.

Достоверность материала². Реалия и лексикографический конструкт

Довольно часто оценка достоверности диалектного материала вызывает серьезные трудности. Имеются весьма спорные случаи, которые на страницах СРНГ особо не оговаривались. В ряде случаев при наличии сомнений в корректности материала авторы идут на то, чтобы сохранять аутентичность данных, представленных в лексикографических источниках.

Автор «Словаря областного архангельского наречия...» допустил ошибку, поместив следующее толкование слова *кагáч*: 'устраиваемый над стогом сена естественный навес: стог складывается между двумя деревьями (преимущественно березами, как более гибкими), а потом стягивают над стогом верхи деревьев и привязывают их в воткнутому в середину стога колу' Онеж. [Подвысоцкий 1885: 61]. СРНГ, в силу своей специфики и толерантности к источникам, организует материалы, состоящие из прекрасно изложенного и понятного описания Г. Куликовского³ и ошибочного конструкта А. Подвысоцкого, как двухступенчатую иерархию значений, что на самом деле является по-разному понятым изложением представления об одной и той же реалии. Если из первоисточника (словаря Подвысоцкого), домысливая, еще можно уловить суть реалии, то опосредованное переложение СРНГ нас такой возможности уже лишает, ср. *кагáч* 'естественный навес над стогом сена, устраиваемый из ветвей деревьев, под которыми расположен стог' [СРНГ 12: 297].

В ряде случаев источники дают для сводного словаря материалы, которые не верифицируются, и помещение некоторых из них в словарь СРНГ ведет к критике словаря со стороны специалистов. Критические замечания в адрес диалектных словарей начали появляться с момента выхода в свет «Опыта областного великорусского словаря» 1852 г. Можно не сомневаться в том, что отмечаемое в [Опыт] слово *хáлина* 'дурная погода'⁴ (Смол.) является опечаткой, поскольку в смоленских, псковских, новгородских говорах фиксируются следующие лексемы: *хáлена* 'снег с дождем; дождь со снегом' (в Солецком, Старорусском районах Новгородской обл.) [НОС 12: 6], *хáлена* 'то же' (в Порховском, Пушкиногорском районах Псковской области, на

² В данной работе не ставится задача полного обозрения критического разбора материалов СРНГ.

³ 'Две ветки, связанные вершинами и положенные на стог сена; ряд таких попарно связанных ветвей кладут поперек вершины стога с той целью, чтобы ветер не разносил сено' Заонежье (Шуньга) [Куликовский 1898: 86].

⁴ В СРНГ эта единица уже не была помещена.

территории Смоленской, Калужской, Орловской областей) [КСРНГ], *хָлипа* ‘мокрый снег с дождем’ (в Духовщинском, Новодугинском, Рославльском, Гагаринском, Дорогобужском, Ельнинском, Руднянском, Сафоновском, Тёмкинском, Холм-Жирковском, Ярцевском районах Смоленской области) [ССГ 11: 44], *хָлипа* ‘дождь со снегом’ (в Пушкиногорском, Опочецком, Дновском, Порховском, Славском районах Псковской области) [КСРНГ]. Кроме того, в орловских говорах встречаются менее частотные варианты *хָлиба*, *хָлибень*, *хָльба* ‘дождь со снегом’ [КЛАРНГ], в которых [б] явно сопоставляется с [п].

Нередко тождество семантического описания позволяет выявлять единицы, которые появились в словнике словаря в результате недоразумения. Рассмотрим следующую словарную статью: *Рисуй*, м. Рыболовное орудие в виде сети, натянутой на деревянные обручи. Пск., 1912–1914. *В рисуге два горла по сажени, рисуги снетовые ставят весной, только это обручный невод, он длинный.* Пск., 1968. [СРНГ 35: 106].

Совершенно ясно, что заголовочная единица сконструирована из записи *рисуге*, что является неправильно прочитанным *ризеце*, ср. материалы СРНГ: *Ризец*, м. Рыболовное орудие в виде сети, натянутой на деревянные обручи Пск., 1912–1914. *Затинка стоит стеной в ризцах, рыба вдоль затинки и идет в ризец.* Пск. «Орудие типа мережи для лова снетка, но больших размеров». Пск., 1968. Селигер, Брян. [СРНГ 35: 102].

Семантическое описание

Разработка семантики слов в СРНГ имеет ступенчатую градацию: 1) значение, 2) оттенок значения, 3) употребление. Выделение отдельного значения слова, показ соотношения сем внутри значения, установление их субординации, характеристика условий их реализации является одной из наиболее сложных проблем в лексикографии. Ее решение предполагает выработку определенных принципов и методов семантического описания слов. Лексическое значение устанавливается на основании показаний диалектных словарей, записей собирателей, фольклорных текстов, цитат из научных статей.

Семантические вариации значения — употребления, обозначающие один и тот же предмет, явление, но отличающиеся каким-либо дифференциальным признаком, показываются за знаком «черный ромб». За ним же показывается терминологизированное применение значения или оттенка слова.

Семантическая единица, обозначающая тот же предмет, но отличающийся размером, длиной, высотой и другими второстепенными признаками, также выделяется за знаком «черный ромб».

Убоина. 1. Туша убитого животного. Ярослав., 1991. 2. Свежее мясо домашнего забоя. Слов. Акад. 1847. Саратов., 1848. Псков., Твер., Ряз., Тамб. *У соседа вчера была убоина.* Трубч. Брян. Орл., Тул., Влад., Ярослав., Волог. *Своей убоины не было, я хотел у соседа побольше взять, а она заветрила.* Глубок. Вост.-Казах. Новосибир., Том., Иркут. Сегодня у нас убоина, скотину убили. Тунк. Бурят. АССР. ♦ Говядина. Тул., 1820. Новгород., Твер., Моск., Влад., Калуж., Ряз., Орл., Курск., Тамб., Волог., Ярослав., Костром., Нижегород., Перм., Нарым., Сиб. ♦ Баранина. Волог., 1822. Твер., Макар. Костром., Нарым. У нас убоина вышла. Сиб. ♦ Свинина. Ряз., 1820. *Сегодняшний год убоина была, на базе свиней убивали.* Краснояр. ♦ Оленина. Камч., 1842 [СРНГ 49: 130–131].

Нередко коллектору неизвестна реалья, скрывающаяся за предьявляемой информантом лексемой, и семантическое описание следует строго за контекстом, что может привести к весьма серьезным ошибкам, которые в сводном словаре уже нелегко обнаружить и трудно исправить. Так, в «Словаре русских говоров Карелии и сопредельных областей» слово *уска́йка* дано в значении ‘доска’ исходя из неправильно понятого контекста: *Есть всяки лодки, как корыто, а сверху доски — ускайка.* Медвежьегор. Карел. [СРГК 6: 635]. В действительности речь идет о лодке, которая широко известна в Заонежье под названием *ушкóй, ушкóйка* ‘лодка-долбленка’. На небольших водоемах использовались выдолбленные из осины лодки с двумя прибивными досками-балансирами по бокам; кроме того, борта надставлялись дощатым набоем. Об этом и пытался рассказать информант. Таким образом, помещая эту лексему в словарь, составители СРНГ корректируют дефиницию, предложенную СРГК:

Уска́йка. Лодка-долбленка. *Есть всяки лодки, как корыто, а сверху доски — ускайка.* Медвежьегор. Карел., Карел. слов., 2005. [СРНГ 48: 55].

Еще один пример:

Ка́ра. Деньги. *Была у нас турецкая кара.* Казаки-некрасовцы, 1969. *Пара-то пара, да в кармане-то кара.* (Не имеет ни копейки). Лодейноп. Ленингр., 1933 [СРНГ 13: 63].

Здесь составителями неправильно понята иллюстрация: *в кармане кара* — значит, в кармане дыра (ничего нет). В данном случае следует выделить еще одно значение, относящееся к гетерогенному омониму.

В большинстве случаев верификация формы строится нами на включении (по возможности) диалектной единицы в этимологический контекст.

Различные лексические классы и группы слов нуждаются в особых приемах семантизации, учитывающих свойства слов каждой категории. Типы и виды лексических значений различаются прежде всего по отношению к реальному миру вещей и явлений, они по-разному связаны с

теми или иными сторонами и фрагментами внеязыковой деятельности. В СРНГ применяются: а) словесное или дефинитивно-описательное толкование; б) эквивалентное, осуществляемое путем приведения литературного эквивалента или коррелята; в) толковательные формулы (*то же, что ...; уменьш.-ласк. к...; увелич. к...; относящийся к...; действие по знач. глаг.*). Умелое их применение обеспечивает наиболее точную и адекватную передачу лексического значения слов.

Разработка семантики при лексикографировании требует одинаковой или сходной толковательной формулы для однотипного материала. Большею частью мы стараемся соблюдать это правило. Однако в сводном словаре, слепо следуя таким принципам, можно, во-первых, потерять своеобразие данных, собираемых на протяжении более двухсот лет, во-вторых, допустить множество собственных составительских и редакторских ошибок, которые уже будет трудно распознать. В качестве примера можно привести диалектные материалы, которые, переходя из одного источника в другой, меняют свою семантику: *хартáть* ‘заниматься каким-либо делом во избежание праздности’ Пск., Осташк. Твер., 1855 [Карпов 1885]. В то же время в Дополнении к «Опыту областного великорусского словаря», авторы которого использовали данные И. И. Карпова, можно уже обнаружить другую дефиницию: *хартáть* ‘жить кое-как, перебиваться в нужде’ Пск., Осташк. Твер., 1855 [Доп. Опыт].

Диалектные материалы, на которых строится СРНГ, не всегда позволяют определить семантику слова и сконструировать толкование. В этих случаях авторы словаря оставляют дефиницию под вопросом. Так, в 49 томах примерно 3850 единиц ее не имеют, например:

Кали́чки. [Знач.?]. *Тяну, тяну* [невод], *Рыбы ловлю. Плотнички на калички* (песня). Лодейноп. Ленингр., 1928 [СРНГ 12: 362].

К настоящему времени, в связи с расширением круга источников и пополнением диалектных данных, некоторые затемненные в семантическом плане лексические единицы можно прояснить, например:

Калю́га [Знач.?]. *Вода спадает, рыба заходит в калюги и в лето остается*. Трубч. Брян., 1971 [СРНГ 13: 9]. Ср. *калю́га* ‘лужа’ Зап. Брян. [Расторгуев 1973: 129].

Омонимы в СРНГ

Основная особенность СРНГ — отражение лексики всех русских говоров послужила отправной точкой, определившей выработку принципиальных положений и понятий, в особенности понимания варианта и вариантности, синонимии, омонимии и их показа в сводном диалектном словаре. Автор уже обращался к проблеме подачи омонимов в диалектной лексикографии [Мызников 2001]; см. также [Дискуссия

по вопросам... 1960; Качурин 2013]. Однако выходящие в свет словари предоставляют в наше распоряжение новый материал, который нуждается в аналитическом осмыслении. В СРНГ главным является широкое понимание омонимии, когда выделяются как омонимы только гетерогенные единицы, тогда как лексемы, имеющие значения в различных понятийно-тематических рядах, но гомогенного происхождения, подаются в словаре в иерархии значений. О трудностях, связанных с репрезентацией гомогенной омонимии в словарях, говорил Б. А. Ларин, отмечавший, что «нелегко бывает с полной уверенностью и обоснованностью разграничить слова с древней богатой многозначностью от омонимов распада. Составители областных словарей предпочитают расчленение на “ряд омонимов”, избегая громоздких статей с развернутой полисемией, в которых необходимо бывает проявить и пронизательность при раскрытии семантической филиации (всегда сколько-нибудь исторической), и сочетать точность формулировки каждого значения с единой пронизывающей смысловой доминантой, образующей логический стержень статьи» [Ларин 1962: 264–265]. Исходя из сложности задач, которые неизбежно встретятся на пути авторов сводного «Словаря русских народных говоров» ввиду спорности признаков гомогенной омонимии, Ф.П. Филин считал, что очевидным является лишь одно: нельзя смешивать и считать за одно слово омонимы гетерогенные [Филин 1961: 38].

В большинстве случаев разграничение гетерогенной омонимии в СРНГ представлено вполне корректно, например:

1. *Кáрья*. Выбоина на дороге. Разнята дорога, сплошь карьи, тяжело ехать. Лодейнод. Ленингр., Калинин.

2. *Кáрья*. Скот. Лодейноп. Ленингр., Еремин [СРНГ : 113].

В ряде случаев в СРНГ, ввиду этимологической неисследованности материала, гетерогенные омонимы могут быть представлены в полисемантической структуре одного слова. Так, в одной статье (под разными значениями) даны слова, которые, на наш взгляд, являются гетерогенными омонимами: *кíбка* ‘шапочка’ Пенз., Орл. и *кибкá* ‘женская рубаха, надеваемая поверх обычной одежды’ Казан. [СРНГ 13: 194]⁵. Первое из этих слов связано с *кíпá* (иврит: כִּיפָא *кипа*, мн.ч. *кипот*, идиш: קיפּלמאַץ ‘ярмолка, традиционный еврейский мужской головной убор’; второе – чувашского происхождения, ср. чуваш. *кёне* ‘рубаха; женская рубаха; белье, сорочка’, при турец. *kāpānäk* ‘дождевой плащ, зимнее платье янычар’, татар. *кəбə* ‘панцирь, кольчуга’ [Федотов 1996 1: 275].

⁵ Ср.: казач. *кíбка* ‘чувашская женская верхняя рубаха, которую и русские бабы носят в работе, как ломовые извозчики в Нижнем (Новгороде) мордовские рубахи’ [Даль 2: 106].

Лексика фольклора в СРНГ

Наличие фонетико-морфологических диалектных примет языка фольклора признается всеми исследователями языка и стиля устного народного творчества. Фольклорные произведения использовались как материал для формирования словника русских областных словарей; из этого же источника черпались и цитаты, подтверждающие наличие слова в том или ином диалекте. Например, в словаре Г.И. Куликовского представлено 789 единиц по фольклорным записям Барсова, 136 по записям Рыбникова [Рыбников 1862]. Такого рода статистика стала возможна по всему тексту СРНГ.

В СРНГ включается лексика фольклора, не функционирующая в системе языка вне фольклорного текста [Сороколетов 1974], даже несмотря на то, что ее лексикографическая разработка нередко связана с серьезными трудностями, среди которых такие, как: выделение заголовочной формы слова, осознание семантической сущности фольклорного слова для практической реализации ее в виде толкования и др. Именно фольклорный материал вызывал и вызывает критические замечания по поводу его лексикографической репрезентации, причем следует отметить, что слова с пометой *фольк.* довольно многочисленны в СРНГ — 3237 единиц (по выпускам: 1 — 0, 2 — 38, 3 — 19, 4 — 7, 5 — 71, 6 — 24, 7 — 65, 8 — 10, 9 — 16, 10 — 23, 11 — 63, 12 — 66, 13 — 44, 14 — 78, 15 — 156, 16 — 75, 17 — 97, 18 — 145, 19 — 66, 20 — 110, 21 — 126, 22 — 61, 23 — 55, 24 — 115, 25 — 22, 26 — 28, 27 — 1, 28 — 5, 29 — 0, 30 — 52, 31 — 91, 32 — 56, 33 — 149, 34 — 195, 35 — 138, 36 — 110, 37 — 157, 38 — 149, 39 — 182, 40 — 245, 41 — 127, 42 — 197, 43 — 94, 44 — 96, 45 — 128, 46 — 169, 47 — 198, 48 — 96, 49 — 83).

При этом в ряде случаев, особенно на страницах первых томов словаря, несмотря на явно фольклорный характер материалов, отсутствует помета, относящая эти данные к устному народному творчеству или определяющая конкретный фольклорный жанр, например:

Зарянка, ж. Эпитет дочери. *Солнце за лес закатилось, Дочка у матки отгостилась, Провожу свою дочку, Провожу свою **зарянку**.* Смол., 1914.

По 49 томам словаря можно увидеть статистику представленности диалектных слов в разных жанрах фольклора:

былина — 1166 единиц: **Долговидный**. 1. Длинный. *Еще брал себе полотенце долговидное* (былина). Помор. Арх., Григорьев [СРНГ 8: 106];

сказка — 1602 единицы: **Зачади́ть**. Наполнить что-либо пахнущим дымом. *Чертн испугались и побежали к сатане, и сказали ему,*

что Соломон хочет зачадить ладаном весь ад (сказка). Черепов. Новг., 1902 [СРНГ 11: 171];

песня — 6261 единица: **Алѣться**. Алеться, краснеть. *На лужку цвели три цветика, Алы цветики аляются* (песня). Волог., Соболевский [СРНГ 1: 249];

заговор — 128 единиц: **Белолáдный**. Фольк. Крепкий, основательный и белый. *На океан-море, на белоладном камне, стоит сам Иисус Христос* (заговор). Валд. Новг. [СРНГ 2: 221];

загадка — 876: **Голѣшки**. В загадке: оглобли. *Развалю голяшки, Ввалю голышка* (отгадка: оглобли и лошадь). Ставроп. Самар., Садовников [СРНГ 6: 352];

частушка — 1266: **Жѣучий**. Жалящий (о животных). *Под окошком липа сохни, У милого matka сдохни, Сдохни, жгучая змея, Сиротой останусь я!* (частьшка). Новг. [СРНГ 9: 93];

причитание — 451: **Забѣрчатый**. Вытканый выпуклыми узорами, узорчатый. *Узористый, клетчатый, Пропусти меня В путь за занавеску, За злодейку, заберчатую* (причитание). Сольвыч. Волог., 1896 [СРНГ 9: 253].

Представлены также в словаре паремии:

пословицы — 604: **Казáк**. Наемный рабочий, батрак в крестьянском хозяйстве, Волог., 1822. *Хозяин свистнул, а казак уже смыслит* (пословица). Волог. [СРНГ 12: 307];

поговорка — 418: **Капѣль**. *Во дворе тают капли*, в доме окна запотели (поговорка) Ворон. [СРНГ 13: 50].

Кроме того, в вышедших выпусках СРНГ представлено примерно 450 единиц, где толковательная формула дается в виде «эпитет кого-, чего-л.», например: **Типу́ха**, ж. Фольк. Эпитет мухи. *Муха буруха, за ногу туха* (сказка). Юрьев. Влад., 1910 [СРНГ 44: 132].

Имеются материалы, в которых довольно сложно разграничить эпитет как таковой и случаи дивергентной редупликации, например: **Ласкóтушка**. Фольк. Эпитет ласточки [?]. *Уж я лучше спрошу, беднушка, У косатой летной ластушки — Тая ластушка-ласкотушка Она летит ровнешенько* (причит.). Север., 1960 [СРНГ 16: 278].

Ономастика в словаре

При определении особенностей формирования словника СРНГ декларировалось, что «в основу Словаря кладутся непосредственные наблюдения живой народной речи, записанные как в прошлом, так и в наше время. Используются также произведения устного народного творчества, в которых содержится много словарных особенностей местной речи. В отдельных случаях привлекаются свидетельства писателей, имеющие в тексте художественных произведений явно эт-

нографический характер» [СРНГ 1: 5]. Отмечается, что «собственные имена, как правило, в Словарь не включаются. Однако в конце словарных статей в качестве дополнительного иллюстративного материала (при наличии нужных сведений в нашей картотеке) могут приводиться собственные имена, образованные от имен нарицательных, толкуемых в Словаре... В виде исключения включаются в Словарь отдельные собственные имена, представляющие особый историко-лингвистический интерес. В Словаре помещаются нарицательные слова, образованные от собственных, а также прозвища, клички и т. п., имеющие и нарицательное значение» [Там же: 7].

Авторы «Большого словаря русских прозвищ», выделяя традиционные русские деревенские и городские прозвища, указывают, что «эта группа генетически предшествовала русским фамилиям и до сих пор в живом диалектном и просторечном узусе нередко остается их заменителем» [Вальтер, Мокиенко 2007: 10]. Отмечается, что диалектные прозвища — основа для создания и постоянной актуализации прозвищного лексикона всех других его разновидностей [Там же]. Выделяются следующие группы прозвищ и кличек: 1) традиционные русские деревенские и городские прозвища; 2) прозвища учителей, учеников, преподавателей, студентов, профессиональные клички и т. п.; 3) прозвища известных деятелей и знаменитостей; 4) коллективные прозвища [Там же: 10–16].

В целом типология русских народных прозвищ в основном построена по семантическим доминантам номинации. Так, Т. Н. Чайко предлагает следующую классификацию: 1) внешность человека: а) оценка внешности человека в целом, б) выделение отдельных частей внешности, в) характеристика качеств органов чувств; 2) свойства человека: а) особенности характера, б) привычки, в) поведение, поступки, деятельность; 3) особенности речи; 4) связь с какими-либо событиями из жизни человека; 5) занятие или профессия; 6) имя или фамилия; 7) прозвища с неизвестной мотивацией [Чайко 1971: 150–152].

Типология В. А. Флоровской целиком построена на материале кубанских говоров: 1) внешний вид; 2) по принципу контраста; 3) черты характера, особенности поведения, привычки; 4) особенности произношения; 5) прозвища, образованные от имен и фамилий; 6) специальность и характер деятельности; 7) наличие того или иного физического недостатка; 8) место жительства; 9) семейные отношения; порядок и место рождения [Флоровская 1971: 145; Флоровская 1976].

В 49 выпусках СРНГ зафиксировано примерно 1600 прозвищ. Дифференциация их в зависимости от типа номинации весьма многообразна⁶. Ниже перечислены примеры признаков номинации, лежащих в основе прозвищ.

⁶ См. [Чайкина 1969].

1. Внешний вид человека: **Белобрýська** ‘прозвище белокурого человека’ Березовка Дмитров. Орл., 1898 [СРНГ 2: 216]; **Белотéлец** ‘прозвище ярославцев’: *Наши ярославцы-белотельцы, красавцы: пуд мыла извели, родимого пятна не свели*. Рыб. Яросл., 1901 [СРНГ 2: 225].

2. Традиционная или рабочая одежда: **Рóкан** ‘прозвище жителя Терского берега’: *Так роканам нас и зовут. Рокана, рокана, у вас непарны рукава* (дразнилка). Мурман. [СРНГ 35: 169] (ср. **рóкан** ‘непромокаемый рыбацкий костюм’ Кандалакш. [Меркурьев 1979: 135], **рóкан** ‘пальто из домотканой шерсти или другой материи’ Терск. Мурман., 1932 [СРНГ 35: 169]).

3. Особенности поведения: **Босíха** ‘прозвище женщины, которая ходит босиком’ Курск., 1900–1902 [СРНГ 3: 123].

4. Особенности речи: **Ерáхта-барáхта** ‘прозвище картавого человека’: «Так называли старуху за то, что она плохо выговаривала слова». Ветл. Костром., Марков, 1898 [СРНГ 8: 365]; **Кýчи** ‘прозвище жителей Усть-Сысольского уезда’. «От зырянского кытче — куда?». Волог., 1883–1889 [СРНГ 16: 208].

5. Социальный статус: **Богáтко** ‘прозвище крестьянина’: «У нас даются клички не по недостаткам, как часто у крестьян, а по состоянию хозяйства. Царь, князь, богатко». Урал, 1930 [СРНГ 3: 44].

Нередки и метафорические прозвища, ср. примеры зоометафор.

1. Названия животных: **Бабúк** ‘крестьянское прозвище’ Мокш. Пенз., 1899 [СРНГ 2: 27] (ср. **бабúк** ‘животное *Dipus jaculus*, отряд грызунов; земляной заяц, табарган, тушканчик’ Южн., Южн.-Сиб. [Там же]); **Куя́н** ‘прозвище робкого, трусоватого человека’ Челяб., 1946–1956. Оренб. [СРНГ 16: 198] (ср. **куя́н** ‘заяц’ Том., Тобол., Оренб., Челяб., Курган., Свердлов., Перм., Волго-Камье [СРНГ 16: 198]).

2. Названия птиц: **Кýкша** ‘прозвище’ Медвежьегор. [КСРГК], ‘несообразительный человек’ Терск. [СРГК 3: 55] (ср. **кýкша** ‘лесная птица свиристель *Vombucilla garrula*’ Арх., ‘лесная хищная птица *Lanius infaustus*’ Онеж., Шенк., ‘птица (какая?)’ Пинеж. (Кобелево, Рогатка, Шардонемь) [Симина]; ‘неряшливо, неопрятно одетая женщина’ Шенк. Арх., 1846 [КСРНГ], Шенк. Онеж. [Подвысоцкий 1885: 77]; ‘непристойно одетая женщина’ Шенк. Арх. [Опыт: 96]; ‘женщина, которая нарядилась не по времени’ Хакас. Краснояр. [СРНГ 6: 49].

В некоторых случаях вопрос о природе прозвища является спорным. Ср.: **Лóхи** ‘прозвище жителей Пижмы, которые считаются плохими рыбаками, так как ловят только отощавшую после нереста семгу, лосося, т. е. лохов’ Печор., 1955 [СРНГ 17: 160]. Это слово имеет финно-угорское происхождение. Так, например, Я. Калима приводит ряд соответствий для севернорусской единицы: ливв. *lohi*, вепс. *lohi*, водск. *lehi*, эст. *lõhi* ‘лосось’ [Kalima 1915: 155]. См. также [Фасмер 2: 524]. Авторы SSAP указывают на то, что из прибалтийско-финских языков

слово было заимствовано саамскими диалектами. В прибалтийско-финских языках слово балтийского происхождения, ср. литов. *lāšis*, *lašisà*, латыш. *lasis*, др.-прусс. *lasasso* ‘лосось’, при этом ливв. *laš* заимствовано из латышского [SSAP 2: 85]. По-видимому, следует отграничить прозвище *Лоху* от арготической единицы, ср. офенские данные: *лох* ‘мужик’ Влад. Офен., Галич, Нерехта, Костром. Офен., Калуж. Прасол., Самарск. Офен., Симб. Швец., Калуж. Портн., Твер. Коновал., Ряз. Нищ., Гомельск. Нищ., Белорусск. Нищ., Могил. Нищ. [Приемышева 2009 2: 554].

Довольно много прозвищных единиц неисконного происхождения зафиксировано в зоне этноязыковых контактов: *Пёрзя* ‘прозвище: брюхан’ Черепов. Новг. [СРНГ 26: 281], *пярза* ‘полный, толстый, толстомордый, толстобрюхий человек’ Подпорож. [ПЛГО], *пярзà* ‘бранное слово’ Подпорож. [СРГК 5: 377], *пёржа* ‘здоровый, дородный человек’ Крестец. Новг. [НОС 7: 129], *пёрзák* ‘толстый полный человек, толстяк’ Подпорож. (Шеменичи) [ПЛГО; СРГК 4: 478]. Лексемы с [з] восходят к вепс. *perze* ‘задница — часть тела’ [СВЯ: 409], ср. словупотребление у вепсов: *sangen perze* ‘толстозадый’. В SKES показан общеприбалтийско-финский характер этого гнезда: фин. *perse*, эст. *perse*, водск. *perze*, ливск. *piez*, кар. *peršo* ‘зад, задняя часть чего-л.’; из финского языка слово вошло также в швед. диал.: *pårssö* ‘жадный, алчный, привередливый человек’ [SKES: 525–526].

Особо остановимся на таком виде имен собственных, как зоонимы. При начале работы над СРНГ зоонимика находилась в зачаточном состоянии, к настоящему времени имеются значительные результаты такого рода исследований по разным регионам, например: по Ярославской и Вологодской областям [Варникова 2011], псковским говорам [Фонякова 1984], Поволжью [Романова, Салмина 2001; Смирнов 1971], а также работы по языкам России [Архипов, Иванов; Баскаков]. И хотя зоонимия представляет собой открытую и динамичную подсистему ономастической номинации со своим центром и периферией, в СРНГ ядро зоонимии представляет собой большей частью клички домашних животных, в том числе, свиней: *Зюра* ‘кличка свиньи’ Пск. 1902–1904 [СРНГ 12: 44]; лошадей: *Игренько* ‘лошадь игрениевой масти; кличка такой лошади’: *Игренька-то запряги в корень, он смиреннее под горы-те, а чубарка в пристежки*. Перм., 1856. Урал., Сиб. [СРНГ 12: 70]; коров: *Нёжка* ‘кличка коровы’ Медын. Калуж., 1972. Тул. [СРНГ 21: 43]; овец: *Пáтенька* ‘кличка овцы’ Яран. Вят., 1887 [СРНГ 25: 272].

Встречаются зоонимы, соотносимые с разными видами животных:

Лыско. 1. Кличка лошади. Шадр. Перм., 1930. 2. Кличка собаки. *Лесовать я хожу с Лыском, он умен, славно векош ищет*. Перм., 1856. Вят., Твер., Горьк., Новг., Арх. [СРНГ 17: 224].

В ряде случаев в дефиниции упускается ономастический характер толкуемой единицы: *Ждѣна* ‘корова, рождения которой ждали долго и с нетерпением’ Галич. Костром., 1898 [СРНГ 9: 94].

Поскольку фиксация зоонимов не является основной целью в работе над СРНГ, то на его страницах не удастся найти их полного репертуара (включающего зоонимы, образованные от личных имен, названий животных, растений, географических объектов, явлений природы, космических тел, обозначений отвлеченных понятий, научных терминов, индивидуально мотивированные клички, непонятные для окружающих) [Вересиянова 2016: 188]. Всего в вышедших томах СРНГ представлено около 300 словарных статей, относящихся к зоонимам, причем в последнем (49) томе такого рода единицы даются в словнике в полном объеме, причем обычно в толковании предпринимается попытка показа мотивационной основы лексикографируемого слова, например:

Ушбня, ж. Кличка белой коровы с черными ушами. *А то уши черны, а сама бела, дак Ушоха, Ушоня.* Низ. Печора, 2005 [СРНГ 49: 25].

Февралька, ж. Кличка домашнего животного, родившегося в феврале. Первомайск. Оренб., 1951–1958. *Февралька — телочка, рожденная в феврале.* Соль-Илец. Чкал. *Февралька, Апрелька, Майка. Февралька — корова, родившаяся в феврале.* Прииссыккул. Киргиз. [СРНГ 49: 82].

Элементы арго в словаре

Как констатируется в предисловии к 1-му тому СРНГ, носители говоров иногда усваивали слова из арго, из речи представителей господствующих классов и из разных других источников. Однако какого бы значения и происхождения ни было слово, оно, как правило, будет включаться в словарь лишь в том случае, если его употребляют не повсеместно, если оно не является фактом современного литературного языка. Таким образом, на практике элементы арго нередко помещаются в словник СРНГ.

Разлѳшиться. Обабиться (о мужчине). *Мас (мужик) разлѳшился.* Ветл. Костром., 1933 [Из арго] [СРНГ 33: 369].

Кубафѳя. [удар.?). Баба. Углич. Ярослав., 1820. [Из арго] [СРНГ 15: 379].

Лѳйма. Корова. Галич. Костром., 1820. [Из арго] [СРНГ 16: 341].

Насизѳмать. Задолжать что-либо кому-либо. Ветл. Костром., 1933 [СРНГ 20: 160]. Ср. *сизѳменька* ‘денежка’ Костром. Шерстобиты. [Приемышева 2009 2: 620].

В ряде случаев помещение арготической единицы в словарь обуславливается лексикографической традицией. Например, слово *сѳика*

‘свинья’ Галич. Костром. [Опыт: 202] отмечается также в СРНГ [СРНГ 37: 299], несмотря на то, что имеется вполне верифицированная версия о недиалектной арготической основе лексемы *сика*, которая по своей сути диалектной не является [Попов 1955: 18; Приемышева 2: 620].

* * *

В заключение несколько слов о перспективах работы над словарем. К настоящему времени в 49 томах СРНГ представлен богатейший материал, например, имеется 9371 наименование растений, 1280 названий грибов, 172 названия рыболовных сетей и т.д. После окончания работы над алфавитным лексиконом (и, вероятно, дополнений к нему) вполне возможна разработка тематического словаря на базе данных СРНГ.

Литература

- Архипов, Иванов — *Архипов Г. А., Иванов В. И.* Зоонимы в Удмуртии // Ономастика Поволжья. Вып. 2. Горький, 1971. С. 306–309.
- Баскаков — *Баскаков Н. А.* Клички собак у каракалпаков // Ономастика Средней Азии. М., 1978. С. 206–209.
- Вальтер, Мокиенко 2007 — *Вальтер Х., Мокиенко В. М.* Большой словарь русских прозвищ. М., 2007.
- Варникова 2011 — *Варникова Е. Н.* Зоонимы: место в ономастическом пространстве // Вопросы ономастики. 2011. № 1. С. 51–62.
- Вересиянова 2016 — *Вересиянова В. В.* Зоонимическая номинация в диалектной речи: аспекты и методы изучения в современной ономастике // XLV Международная филологическая научная конференция, Санкт-Петербург, 14–21 марта 2016 г.: Тезисы докладов. СПб., 2016. С. 188–189.
- Даль — *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. Второе издание, исправленное и значительно умноженное по рукописи автора. М.; СПб., 1880–1882. Т. 1–4.
- Дискуссия по вопросам... 1960 — Дискуссия по вопросам омонимии на открытом заседании Ученого совета Ленинградского отделения Института языкознания АН СССР // Лексикографический сборник. 1960. Вып. 4.
- Доп. Опыт. — Дополнение к «Опыту областного великорусского словаря». СПб., 1858.
- Карпов — *Карпов И. И.* Краткий очерк простонародных слов, преимущественно Новоржевского, Опочецкого, Островского, Порховского и Псковского уездов Псковской губернии и Осташковского Тверской. 1855 (Рукопись СРНГ).
- Качурин 2013 — *Качурин Д. В.* Проблема разграничения омонимии и полисемии применительно к практике составления толковых словарей: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 2013.
- КЛАРНГ — картотека «Лексического атласа русских народных говоров».
- КСРГК — картотека «Словаря русских говоров Карелии и сопредельных областей».

- КСРНГ – картотека «Словаря русских народных говоров».
- Куликовский 1898 — *Куликовский Г. И.* Словарь областного олонецкого наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб., 1898.
- Ларин 1962 — *Ларин Б. А.* Инструкция Псковского областного словаря // Псковские говоры. 1. Труды Первой псковской диалектологической конференции 1960 года. Псков, 1962. С. 252–271.
- Меркурьев 1979 — *Меркурьев И. С.* Живая речь Кольских поморов. Мурманск, 1979.
- Мызников 2001 — *Мызников С. А.* Омонимы в областных словарях // Псковские говоры (Псковский областной словарь и актуальные проблемы региональной лексикографии). Псков, 2001. С. 145–156.
- НОС — Новгородский областной словарь / Отв. ред. В. П. Строгова. Новгород, 1992–1995. Вып. 1–12.
- Опыт — Опыт областного великорусского словаря, изданный Вторым отделением Академии наук. СПб., 1852.
- ПЛГО — Полевое лингвогеографическое обследование автора.
- Подвысоцкий 1885 — *Подвысоцкий А.* Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб., 1885.
- Попов 1955 — *Попов А. И.* Из истории славяно-финно-угорских лексических отношений // *Acta linguistica*. Budapest, 1955. Т. 5. Ф. 1, 2. С. 1–19.
- Приемышева 2009 — *Приемышева М. Н.* Тайные и условные языки в России XIX века. Ч. 1–2. СПб., 2009.
- Расторгуев 1973 — *Расторгуев П. А.* Словарь народных говоров Западной Брянщины (Материалы для истории словарного состава говоров). Минск, 1973.
- Романова, Салмина 2001 — *Романова Т. П., Салмина О. В.* Традиционный пласт русской зоонимии (на материале кличек животных с. Покровка Самарской области) // Разноуровневая характеристика лексических единиц: сб. науч. ст. по материалам докладов и сообщений конференции «История языка и диалектология. Ономастика». Смоленск, 19–20 июня 2001. Ч. 2. Смоленск, 2001. С. 174–184.
- Рыбников 1862 — *Рыбников П. Н.* Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. Ч. 1, 2. М., 1861–1862.
- СВЯ — *Зайцева М. И., Муллонен М. И.* Словарь вепского языка. Л., 1972.
- Смирнов 1971 — *Смирнов А. А.* Из зоонимии Горьковской области // Ономастика Поволжья. Вып. 2. Горький, 1971. С. 299–302.
- Сороколетов 1974 — *Сороколетов Ф. П.* Произведения фольклора и диалектные словари // Диалектная лексика. 1973 / Под ред. Ф. П. Филина и Ф. П. Сороколетова. Л., 1974. С. 193–204.
- Сороколетов, Кузнецова 1987 — *Сороколетов Ф. П., Кузнецова О. Д.* Принципы разработки вариантов слова в «Словаре русских народных говоров» // СРНГ. Вып. 22. Л., 1987. С. 4–8.
- СРГК — Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей / Гл. ред. А. С. Герд. СПб., 1994–2005. Т. 1–6.
- СРНГ — Словарь русских народных говоров. Т. 1–49. М., Л., СПб., 1965–2016.
- ССГ — Словарь смоленских говоров / Под ред. А. И. Ивановой. Т. 1–11. Смоленск, 1974–2005.

- Фасмер — *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. Т. 1–4. М., 1964–1973.
- Федотов 1996 — *Федотов М. Р.* Этимологический словарь чувашского языка. Чебоксары, 1996. Т. 1–2.
- Филин 1961 — *Филин Ф. П.* Проект «Словаря русских народных говоров». М.; Л., 1961.
- Флоровская 1976 — *Флоровская В. А.* Прозвища в русских говорах Кубани // Ономастика Кавказа / Отв. ред. В. А. Никонов. Махачкала, 1976. С. 300–304.
- Флоровская 1971 — *Флоровская В. А.* Прозвища в русских говорах Кубани // Этнография имен. Сб. статей / Отв. ред. В. А. Никонов, Г. Г. Стратанович. М., 1971. С. 141–145.
- Фонякова 1984 — *Фонякова О. И.* О взаимодействии литературной и диалектной лексики в зоонимии // Литературный язык и народная речь. Пермь, 1984. С. 111–116.
- Чайкина 1971 — *Чайкина Ю. И.* О традиционных прозвищах в Белозерье // Филологические науки. 1969. № 3. С. 104–109.
- Чайко 1971 — *Чайко Т. Н.* О принципах номинации в народных прозвищах (на материале говоров Кировской области) // Вопросы топониматики / Отв. ред. А. К. Матвеев. Свердловск, 1971. Вып. 5. С. 150–154.
- Kalima 1915 — *Kalima J.* Die ostseefinnischen Lehnwörter im Russischen. Helsingfors, 1915.
- SKES — Suomen kielen etymologinen sanakirja. О. 1–7. Helsinki, 1955–1981.
- SSAP — Suomen sanojen alkuperä. Etymologinen sanakirja. О. 1–3. Helsinki, 1992–2000.